

Глава 30. Верни мои деньги

Обед накрыли в главной комнате. На столе стояли два глиняных кувшина с вином. Сегодня они собирались хорошенько выпить.

Мяо Ин никогда не видел, как Хо Син пьёт, но по его виду можно было предположить, что пьёт он немало. Перед тем как начать, Мяо Дахай сказал, что сегодня они остаются здесь на ночь, поэтому у Мяо Ина окончательно пропали все сомнения на счёт ночёвки.

Пока трое мужчин ещё сидели за столом, Мяо Ин потянул Лю Цюн во двор и сказал, что ему нужно с ней поговорить.

Увидев его серьёзное выражение лица, Лю Цюн насторожилась, а сердце у неё ёкнуло.

— Что случилось?

О своём прошлом говорить было по-настоящему стыдно. Мяо Ин и сам так думал, но ради денег ему всё равно пришлось бы рассказать всю правду. Он долго колебался, прежде чем выдать из себя:

— Вы ведь раньше говорили... что у того человека... у кого-то из деревни... несколько месяцев назад новый дом построили?

Лю Цюн решила, что он снова засматривался на дом семьи Чэнь и в голове у него появились какие-то нехорошие мысли.

— Только не вздумай опять что-то надумывать. Разве сейчас мы плохо живём?

Мяо Ин поспешно закивал:

— Да, да. Я просто хотел сказать... деньги на строительство того дома... мои.

Лю Цюн широко распахнула глаза, лицо у неё побледнело и стало ещё страшнее.

— Ты... — она так разозлилась, что едва могла дышать. Она уже было решила, что сын стал на правильный путь. Тогда, что было до свадьбы, ещё ладно... но теперь он женат!

Мяо Ин поспешно похлопал её по спине, помогая перевести дыхание:

— Мама, это не то, что ты подумала!

Он тут же начал объяснять, подробно рассказав всё с самого начала:

— Тогда у меня с головой было не в порядке. Я тайком взял деньги из дома и сказал, что уйду с ним. А потом, в горах, он отобрал у меня деньги, столкнул меня вниз. Я ударился головой о камень... Если бы не Хо Син, который в тот момент охотился неподалёку, я бы точно не выжил.

Услышав, через что ему пришлось пройти, Лю Цюн притянула Мяо Ина к себе, усадила и уложила его голову себе на колени. Она осторожно раздвинула волосы и увидела на затылке огромный шрам.

Её пальцы едва коснулись раны.

— Так всё серьёзно?..

Мяо Ин испугался, что она расплачется, поэтому поспешно выпрямился, пересев рядом:

— Сейчас уже всё хорошо, правда.

Только тогда Лю Цюн вспомнила, что в прошлый раз, когда они были в доме Хо, лицо Мяо Ина выглядело бледным, но тогда никто не придавал этому значения.

— Этот ублюдок! Я пойду с ним разберусь! — крикнула она и уже было направилась на кухню за ножом, чтобы идти насмерть, но Мяо Ин успел её остановить.

— Мама, успокойся, прошу тебя.

Как тут успокоиться? Пусть раньше они с сыном и не были особенно близки, но Мяо Ин всё же был ребёнком, которого она носила под сердцем десять месяцев. Его чуть не убили... а она, как мать, даже не знала об этом. Сил у неё было куда больше, чем у Мяо Ина: она вырвалась из его рук и с мрачным лицом подошла к столу, за которым всё ещё пили. Ладонь с грохотом опустилась на стол — тот едва не развалился.

Три пары слегка пьяных глаз одновременно уставились на неё.

— Всё пьёте! — закричала Лю Цюн. — Сын и брат пережили такое унижение, а вы только и знаете, что пить!

Она с ходу обрушилась с бранью на Мяо Дахая и Мяо Дуна. Хо Син, сидевший рядом, тут же вскочил на ноги, будто провинился именно он.

Лицо Лю Цюн, когда она посмотрела на Хо Сина, стало заметно мягче. Если бы он, не вспоминая старых обид, не привёл Мяо Ина домой, тот, возможно, и вправду остался бы навсегда лежать в тех горах.

Скандал так ошеломил Мяо Дуна и Мяо Дахая, что они окончательно протрезвели.

— Что случилось? — спросил Мяо Дахай.

Слушать, как Лю Цюн пересказывает прежние события, Мяо Ину было неловко. Он украдкой поднял глаза на Хо Сина и заметил, что тот смотрит прямо на него, не отводя взгляда.

В доме словно взорвался котёл: один фитиль поджёг второй, второй — третий. Отец и сын, не сговариваясь, рванулись с места. Один пошёл искать мясницкий нож, другой — верёвку для связывания свиней. С грозным видом они собрались идти к семье Чэнь, чтобы разобраться с Чэнь Эрва.

Мяо Ин почувствовал усталость. Он поспешно подбежал к воротам, захлопнул их и встал, загораживая проход всем телом.

— Вы хоть немного в себя придите.

Хо Син будто соображал медленно: увидев, что Мяо Ин стоит у ворот, он тоже встал рядом с ним. Вдвоём они перекрыли вход так плотно, что не осталось ни малейшей щели.

— Дайте мне пойти и прикончить этого мелкого ублюдка, — Мяо Дахай кипел сильнее Мяо Дуна.

Но Хо Син стоял у ворот, как каменная стена, и пройти они не могли.

— Давайте обсудим всё спокойно, а? — беспомощно сказал Мяо Ин. Ему казалось, что во дворе собралась целая толпа безмозглых силачей, а стратег здесь один он. Он прочистил горло. — Или вы хотите, чтобы вся деревня узнала, что я собирался сбежать с другим человеком?

Хо Син покачал головой.

— Да это и так почти вся деревня знает, — пробормотал Мяо Дун.

Мяо Ин поперхнулся:

— В любом случае сейчас идти нельзя. Пока мы не придумаем план. Если вы сейчас пойдёте и прибьёте его — сами же в тюрьму угодите. Не надо наносить врагу тысячу ран, калеча себя на восемьсот!

Люди во дворе наконец кое-как поостыли. Несколько пар глаз уставились на него.

— И что ты предлагаешь делать?

Мяо Ин и сам пока толком не знал:

— Я хочу вернуть деньги. Это были бабушкины похоронные сбережения.

Несколько человек украдкой посмотрели на лицо Хо Сина. Как ни крути, в этой истории Мяо Ин был неправ, и они боялись, что у Хо Сина из-за этого тяжесть на сердце. Но тот лишь молча стоял у ворот, следуя словам Мяо Ина. Его щёки слегка покраснели — видно, вино ударило в голову.

— Так у вас есть какой-нибудь способ вернуть деньги? Примерно десять лянов серебра, — Мяо Ин почесал затылок.

Лю Цюн тревожно смотрела на него, боясь, как бы он не задел рану.

— Да избить его и всё, — Мяо Дахай закатал рукава. — Бить, пока сам деньги не отдаст.

Мяо Ин молча посмотрел в небо:

— У него целая свора дружков, а вас всего трое. Вас самих там избьют. И потом... вы его побьёте, деньги потребуете, а он пойдёт и донесёт в управу. И снова тюрьма.

— Да у него ещё хватит наглости в управу идти? — фыркнул Мяо Дун. — За то, что он натворил, ему самому лет на несколько хватит. Как бы там ни было, я его всё равно избью.

Мяо Ин немного подумал.

— У меня есть один способ.

Вскоре несколько голов склонились вместе, внимательно слушая план Мяо Ина. План получил единодушное одобрение: Лю Цюн уже пошла готовиться, Мяо Дун и Мяо Дахай отправились искать мешки. Остался только Хо Син — он всё так же неподвижно смотрел на Мяо Ина.

Лишь тогда Мяо Ин сообразил: похоже, Хо Син слишком пьян. Он взял его за руку и повёл в свою бывшую комнату:

— Приляг, поспи немного. Вечером ещё дело будет.

Хо Син растерянно последовал за ним. Это была комната Мяо Ина — та самая, где он вырос. Лю Цюн всегда держала её в идеальной чистоте, постель и одеяла были свежие. Хо Син лёг на кровать и ему показалось, будто он провалился в облака, а голова тут же закружилась.

Даже лёжа, он не отпускал руку Мяо Ина. Тому пришлось присесть на край кровати и оглядеться по сторонам.

Очень скоро дыхание Хо Сина выровнялось. Тогда Мяо Ин осторожно высвободил его руку и пошёл искать Лю Цюн. Та сидела с иголкой и ниткой, подшивая одежду, которая понадобится ночью.

— Мам, получится? — Мяо Ин сел рядом, всё ещё сомневаясь: план казался ему не до конца безупречным.

— Его мать во всё это свято верит, — ответила Лю Цюн. — Вчера вот ещё одну статую бодхисаттвы домой притащила. Наверное, понимает, сколько зла он натворил, вот и хочет, чтобы за него побольше сутр читали, чтобы кармы не было.

— Тогда ладно, — сказал Мяо Ин.

На самом деле он и сам не был уверен, сработает ли его план на Чэнь Эрва.

Лю Цюн помолчала и спросила:

— А Хо Син... у него правда нет никаких других мыслей? Такое ведь ни один мужчина спокойно не вынесет.

Мяо Ин доверял своему мужу. За всё это время он хорошо узнал Хо Сина и верил в него:

— Всё нормально. Если бы у него были какие-то мысли, стал бы он меня спасать? Оставил бы в горах — и всё, сам бы там сдох.

— Это потому что человек он добрый, — мягко, но настойчиво сказала Лю Цюн. — Ты больше так не поступай. Живи с Хо Сином как следует.

Мяо Ин кивнул:

— Хорошо.

Вскоре стемнело. Хо Син тоже пришёл в себя — к счастью, днём он выпил не так уж много, и теперь был полностью трезв. Увидев, как все суетятся во дворе, он поспешно надел верхнюю одежду, чувствуя себя ужасно неловко.

— Ну, давай, есть! Поужинаем и за дело, — сказал Мяо Дахай, держа огромную миску лапши и шумно её уплетая.

Хо Сину тут же сунули в руки такую же большую миску. Мяо Дун подгонял его — мол, быстрее, стемнело, пора заниматься серьёзным делом. Хо Син держал миску, но Мяо Ина не видел.

Через некоторое время Мяо Ин вышел. На нём была белая длинная рубаха, почти до самой земли. Волосы распущены, лицо бледное — если такого встретить ночью на дороге и не приглядеться, можно до смерти перепугаться.

Он подошёл к Хо Сину, широко распахнул глаза и уставился на него:

— Страшно?

Хо Син покачал головой:

— Нормально.

Мяо Ин высунул язык:

— Скучно. Ладно, ешь быстрее и выходим.

Когда они всё подготовили и заранее несколько раз всё отрепетировали, из дома, крадучись, вышли четверо людей — все, кроме Лю Цюн.

Стояла зима, да ещё и новый год, к тому же — второй день праздников. Деревенская молодёжь почти вся разъехалась по родне: мужчины «вернулись в родительский дом», девушки и геры, которые приехали назад, тоже сидели по домам, тесно прижавшись друг к другу, разговаривали по-семейному. В такое время никто по деревне не шлялся.

Они быстро добрались до дома Чэнь Эрва.

Чэнь Эрва звали Чэнь Нань. В семье он был вторым сыном: старший брат несколько лет назад умер от болезни, младшая сестра после замужества полностью порвала с роднёй и сегодня тоже не пришла. Отец умер рано, поэтому в доме осталась одна мать.

Этот новый год Чэнь Нань проводил тревожно. Ему всё время казалось, будто за ним кто-то тянется, кто-то его преследует. Началось всё ещё до праздников. Тот гер из семьи Мяо, Мяо Ин, через людей передал ему, что хочет уйти с ним, прихватив деньги. Чэнь Нань не собирался никуда сбегать, но и от денег отказываться не хотел — потому и пошёл.

Мяо Ин всегда его любил, этого Чэнь Нань не отрицал. И то, что Мяо Ин был красив, он тоже признавал. Ему льстило, что тот всё время бегал за ним следом. Но при всём этом Мяо Ин не позволял к себе прикасаться. Даже после замужества. Он хотел заняться сексом в горах, но Мяо Ин всё равно не соглашался. Чэнь Нань ударил его. Когда Мяо Ин стал вырываться, он прижал его голову и несколько раз с силой ударил ею о землю. Лишь потом заметил, что под головой торчит острый камень — и Мяо Ин тут же обмяк, перестав дышать.

Чэнь Нань был, конечно, хулиганом, и делал всякое — и людей притеснял, и слабых обижал. Но к человеческой смерти он прикоснулся впервые. Его охватила паника, он хотел бежать, но вспомнил, что Мяо Ин говорил про деньги. Тогда он обыскал его, забрал всё до последней монеты... и сбежал.

Прошло несколько дней. Из управы никаких вестей не было. Он не осмеливался пойти в деревню Нанькоуба, чтобы что-то разузнать. Всё будто улеглось, словно ничего и не случилось.

Но однажды он увидел Мяо Ина, целого и живого, в деревне.

Человека, который уже умер, он увидел живым, стоящим перед ним.

Он пошёл спросить про него у мясника Мяо, а тот сказал, что Мяо Ин вообще не возвращался! И все в деревне твердили одно и то же: никто Мяо Ина не видел.

Чэнь Нань решил, что у него начались галлюцинации.

Но сегодня... сегодня он увидел Мяо Ина снова.

Второй день нового года. Что же, выходит, даже призраки возвращаются домой к родне?

Чэнь Нань ни секунды не хотел оставаться в деревне, но сегодня ему пришлось вернуться: сегодня была годовщина смерти старшего брата.

После того как он поставил благовония перед поминальной табличкой, мать сказала, что хочет ещё почитать буддийские сутры. Чэнь Наню оставалось только сидеть с ней рядом.

Дом у них был новый. На деньги, отобранные у Мяо Ина, он добавил ещё немного своих и выстроил кирпичный дом, специально выделив отдельную молитвенную комнату, чтобы мать могла читать там сутры.

Когда мать закончила и ушла спать, он уже собирался выйти выпить, как вдруг увидел: за оградой их двора проплыла полоса белого дыма. Чэнь Нань уже хотел выругаться — мол, у кого это пожар, что дым к нему во двор тянет, как в тумане показалась белая фигура.

Мяо Ин.

Лицо мертвенно-бледное, белая одежда вся залита алой кровью. Взгляд пустой, безжизненный...

Он смотрел прямо на Чэнь Наня.

— Вер... ни... мои... день... ги...

<http://bllate.org/book/16099/1570779>